

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В ОТРАЖЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ: ПОВЕСТЬ «АПОФЕГЕЙ» Ю.М. ПОЛЯКОВА

М.А. Базанов

Аннотация. В статье на основе анализа повести Ю.М. Полякова «Апофегей» (1989 г.) показано, как репрезентировалась в советской художественной литературе эпохи перестройки среда отечественных ученых-историков. Основное внимание при этом уделено явлениям цензуры и самоцензуры, их влиянию на жизнь и профессиональную карьеру историков. Согласно Ю.М. Полякову, внешнее давление партийных органов в 1970–1980-е гг. имело место, но само по себе не было тотальным и оставляло возможности для создания работ, отклоняющихся от положений официальной государственной идеологии. Основным инструментом контроля над научной средой в повести изображена самоцензура, сознательная демонстрация своей лояльности как путем воспроизведения в своих работах идеологических клише, так и отказа от озвучивания тезисов, явно или потенциально (скрыто) им противопоставленных. В качестве основной цели такого образа действий называется получение доступа к распределению дефицитных благ. Упомянут и травматический опыт сталинских репрессий. При этом представители научной среды берут на себя функции очищения своих рядов, изгоняют из профессии тех, кто не желает демонстрировать лояльность (Печерникова). Наиболее активные в демонстрации лояльности могут рассчитывать на продолжение карьеры в партийных структурах (Чистяков). В целом же читателя подводят к выводу о превращении советской исторической науки в придаток идеолого-пропагандистского аппарата партии.

Ключевые слова: советская художественная литература, Юрий Михайлович Поляков, «оттепель», «застой», историографический источник, историческая наука, цензура, самоцензура, официальная государственная идеология, партия, лояльность, репрезентация.

Базанов Михаил Александрович, кандидат исторических наук, ведущий археограф отдела публикации и научного использования документов Государственного учреждения «Объединенный государственный архив Челябинской области» (ГУ ОГАЧО), 454000, г. Челябинск, ул. Коммуны, д. 87–89, bazanov.86@mail.ru.

REFLECTION OF HISTORICAL SCIENCE IN SOVIET LITERATURE DURING THE PERESTROIKA: THE NOVEL “APOFEGEY” BY YU.M. POLYAKOV

M.A. Bazanov

Abstract. The article examines the novel “Apofegey”, written by Yu.M. Polyakov in 1989. The article shows representation of the community of Russian historians in the Soviet literature of the “Perestroika”. The main focus is on the phenomenon of censorship and self-censorship, as well as their influence on life and professional careers of historians. The Polyakov’s novel shows the control of party bodies over the historical research in the 1970s–980s. But this control was not total, it left a possibility for creation of scientific texts deviating from the ideological requirements. Self-censorship in the novel is shown as the main manifestation of control over the scientific community. That is, a historian manifested his loyalty to the communist regime by reproducing ideological clichés in his texts, and consciously refused to write anything contradictory to him. The payment for the loyalty of a historian according to the novel was access to scarce goods. Another mention is the traumatic experience of Stalin’s repression. At the same time, historians expel their colleagues from the scientific community and the profession, who do not want to demonstrate political loyalty (Pechernikova). And the most loyal can expect to continue their careers in the institutions of the Communist Party in the Soviet Union (Chistyakov). In general, a reader is led to the conclusion that the Soviet historical science has become a branch of the ideological and propaganda apparatus of the Communist Party.

Keywords: Soviet literature, Yuri Mikhailovich Polyakov, “Perestroika” in the USSR, the era of “stagnation” in the USSR, historiographical source, historical science, censorship, self-censorship, official state ideology, political party, loyalty, representation.

Вопрос о художественной литературе как источнике по истории нового и новейшего времени начал активно обсуждаться еще в советской историографии 1960–1970-х гг. [Предтеченский, 1964; Гумилев, 1972; Миронец, 1976]. Уже в то время было заметно, что чаша весов постепенно колеблется в сторону сторонников включения ее в число источников исторического исследования. Обновление методологической базы исследований в 1990-х гг., активное освоение принципов и методов исторической антропологии окончательно «легитимизировали» беллетристику в этом качестве.

Приблизительно в то же самое время художественная литература стала привлекать внимание и историков исторической науки. Во многом это было результатом процесса смены предмета историографии. Постепенно приходило понимание того, что он должен охватывать историю исторического знания в целом, а не ограничиваться интеллектуальными построениями профессиональных историков. Тема представлений классиков русской литературы о прошлом довольно скоро обрела свою нишу и в историографических исследованиях [Рабинович, 1966; Черепнин, 1968; Овчинников, 1969; 1981; Нечкина, 1982].

Долгое время историографы проходили мимо вопроса о том, каким образом в художественной литературе происходит репрезентация (и саморепрезентация) самой исторической науки и среды ученых-историков. Во многом это было следствием ситуации, когда внимание историков исторической науки концентрировалось на анализе готового знания в ущерб процессу его производства. Всё изменилось после методологического обновления 1990-х гг., вследствие которого именно фигура ученого-историка стала центральной в исследованиях историографов. Начиная с 2010 г. появляется масса статей, посвященных реконструкции образа ученого-историка в художественной литературе [Беленкин, 2010; Кузнецов, 2013; 2014; Щавелев, 2013; Базанов, 2014; Сидорова, 2014; Тихонов, 2014].

Значительные затруднения вызывает и состояние источниковой базы подобного исследования. В российской художественной литературе отсутствует сколь-либо длительная и распространенная традиция изображения представителей профессии историка. Их появления в качестве литературных персонажей чрезвычайно редки. Одно лишь выявление таковых произведений в общей массе беллетристики потребовало бы от исследователей громадных трудов. В этих условиях на первом этапе исследования наиболее рациональным представляется изучение наиболее ярких, ставших известными, произведений, оказавших мощное воздействие на массовое сознание.

Повесть Ю.М. Полякова «Апофегей» была впервые опубликована в журнале «Юность», имевшим общесоюзный статус [Поляков, 1989]. Автор ее к тому моменту успел приобрести известность рядом злободневных произведений, поднимавших вопросы дедовщины в советской армии, бытового разложения сотрудников комсомольских и партийных организаций [Большакова, 2005; 2008; 2009; Флора, Яцук, 2014]. Как и предыдущие произведения, «Апофегей» вновь попал в болевую

точку общества. Повествование об историке, сделавшем карьеру в партаппарате, появилось в тот самый момент, когда общество переживало процесс болезненного переосмысления собственного прошлого, который не обошелся без вопроса об ответственности профессиональных историков за происходящее в стране. В 1991 г. «Апофегей» был издан отдельной книгой.

Главный герой повести Валерий Павлович Чистяков – сын токаря, работающего на заводе «Старт» и проживающего вместе со всей своей семьей в общежитии [Поляков, 1989, с. 24]. Отсутствие необходимых связей, подчеркивает автор, стало главной причиной провала Валерия на вступительных экзаменах в некий московский педагогический вуз. Конечно же, после этого главный герой был призван в армию. Там произошло важное для его биографии событие – он был в соответствии со спущенной «сверху» разнарядкой принят в партию. Ю.А. Поляков подчеркивает, что инициатива при этом исходит именно от его командира, а не от него самого. Однако именно членство в партии позволило ему после окончания срока службы поступить на исторический факультет того самого вуза, в который не удалось попасть ранее. Кроме того, членство в партии стало и решающим аргументом за предоставление ему места в студенческом общежитии. Начальство рассчитывало получить в его лице будущего «общественника», но участие в драке (не им спровоцированной) поставило крест на этих планах. Сам Чистяков воспринял этот факт с облегчением.

Важно отметить, что Валерий Чистяков не разделял официальные идеологемы и основанную на них картину советской истории. Так, его возлюбленная «школьную программу по истории называла “сказки тетушки КПСС”, с чем будущий секретарь райкома по идеологии (Чистяков. – М.Б.) был полностью согласен» [Поляков, 1989, с. 12]. Эта скрытая оппозиционность проявилась и в избранной им теме кандидатской диссертации – аграрной политике партии эсеров [Поляков, 1989, с. 12]. Если относиться к нему как к реально существовавшему человеку, то выбор этот представляется вполне логичным и сообразным эпохе – в 1970-е гг. историки обратились к этой соперничавшей когда-то с большевиками социалистической партии (см, напр.: [Назаров, 2013]). Однако, несмотря на пробуждение интереса к ней, выдать какую-либо позитивную либо просто нейтральную оценку деятельности эсеров было невозможно. В то же время автор, выражавший свое согласие с официальной оценкой ПСР в качестве мелкобуржуазной партии и оценивающий ее в качестве контрреволюционной силы в годы революции и гражданской войны, вполне мог делать отдельные коррективы к этой картине, не выходя при этом за рамки допустимого. Вероятно, именно это Валерий Чистяков и имел в виду, когда оценивал избранную им тему в качестве «разумного компромисса» [Поляков, 1989, с. 12]. Коллеги его, по-видимому, были не столь расчетливы – утверждение темы постоянно откладывалось.

Далее Ю.А. Поляков ставит своего героя перед серьезным выбором. Совершенно неожиданно, и вновь не по своему желанию, Валерий Чистяков в ходе интриг стал членом парткома первичной ячейки КПСС своего вуза. Это открыло ему

возможности для явного улучшения материально-бытовых условий существования (так, например, он получает отдельную комнату в общежитии вуза). Однако новый пост накладывает и более строгие требования к научным изысканиям. Секретарь парткома интересуется у Чистякова, «какого черта молодой партийный активист общепринятого масштаба занимается паршивыми эсерами, начисто сметенными с лица земли народным гневом» [Поляков, 1989, с. 22], и тут же требует сменить тему его кандидатской диссертации на историю Первого красного казачьего полка имени Степана Разина. При этом Ю.А. Поляков подчеркивает, что решение уже было официально обсуждено во всех возможных подробностях – определен круг архивов, фактически имеется договоренность о выделении Чистякову командировки, оговорено решение о его освобождении от части общественной нагрузки, поставлен даже приблизительный срок защиты. Завершается разговор словами: «...за то, что в эсеровском дерьме копать будешь, спасибо никто не скажет... Даже если тему утвердят...» [Поляков, 1989, с. 22].

Чистяков остро переживает случившееся, видя в этом решении насилие над собой. Но в то же время он не прилагает никаких усилий для того, чтобы изменить сложившуюся ситуацию. Далее Ю.М. Поляков конструирует для своего героя еще одну «пограничную ситуацию», которая окончательно демонстрирует соотношение внешних обстоятельств и внутренней мотивации в судьбе его героя. После поездки в ГДР, где Чистяков возглавлял делегацию советских ученых на международной конференции молодых историков стран «народной демократии», его обвиняют в произнесении речи с призывом к разрушению Берлинской стены (фраза, конечно же, была вырвана недоброжелателями из контекста) и аморальном поведении (включил в состав делегации свою любовницу). Однако вслед за этим дают понять: наказание ограничится лишь строгим выговором и исключением из парткома, речи об исключении из аспирантуры и увольнении из вуза не идет. Чистяков, освободившись от ранее накладываемых ограничений, мог бы выстроить научную карьеру, о чем ему открыто говорит его возлюбленная Надежда Печерникова. Однако главный герой воспринимает ситуацию исключительно в негативном ключе, разговор с невестой завершается рукоприкладством, после которого их отношения были прерваны раз и навсегда. Этот эпизод в повести ясно и недвусмысленно подчеркивает: отказ от самостоятельности в научных изысканиях был осознанным выбором, стратегией поведения главного героя, еще одним «разумным компромиссом», основной целью которого было получение доступа к дефицитным материальным благам.

Ю.М. Поляков «спасает» своего персонажа от неприятностей. Но – после защиты диссертации Чистяков перестает заниматься наукой, всё более и более отдаваясь административной работе. При этом в партаппарате ему, скептически настроенному по отношению к официальной идеологии, постоянно отводили должность секретаря по идеологической работе. Фактически Чистяков выбыл из среды профессиональных историков, а его индивидуальность полностью растворилась в образе безликого советского чиновника, неспособного на самостоятельные шаги и действия. Более того, этот человек, не разделяющий официальную государственную

идеологию, вскоре стал карать других за отступление от нее. Так, его жертвой станет писатель Олег Соломин, муж Печерниковой, написавший фантастический рассказ о перенесшемся в советское будущее революционере-террористе начала XX века [Поляков, 1989, с. 31–33].

Валерию Чистякову в повести противопоставлена уже упоминавшаяся выше Надежда Печерникова. В отличие от флегматичного и внешне дружелюбного жениха она язвительна и не скрывает своих антипатий к советской действительности от окружающих. В качестве темы своей кандидатской диссертации Надежда избирает деятельность П.А. Столыпина, которого собирается полностью «реабилитировать» в роли великого государственного деятеля. Ю.М. Поляков создавал свою повесть в конце 1980-х гг., когда П.А. Столыпин и его преобразования стараниями многих историков и публицистов (в основном именно публицистов) открыто противопоставлялись В.И. Ленину и рассматривались в качестве реальной альтернативы деятельности большевиков (см., напр.: [Капитоненкова, 2014; Шерлок, 2014, с. 135–138, 144]). Именно в ее уста автор вкладывает критику И.В. Сталина, которого она обвинила как во внешнеполитических провалах (приход к власти в Германии нацистов, неудачное начало Великой Отечественной войны), так и в создании в стране атмосферы ужаса, полном подавлении воли окружающих. Характерны ее слова, описывающие последствия такой политики: «...с этим народом можно делать всё. Хоть дустом посыпать, ибо уже в минуту зачатия будущий человек заражается страхом перед властью!» [Поляков, 1989, с. 22].

Однако персонаж, созданный Ю.М. Поляковым, не столь прост и односложен. Печерникова – дочь директора «здоровенного НИИ» [Поляков, 1989, с. 14], пусть и ушедшего из семьи. Именно благодаря его заступничеству Надежда поступила в аспирантуру, что она признает открыто. По некоторым из деталей можно предположить, что ее материально-финансовое положение выше среднего. Кроме того, в отличие от Чистякова она проживает в отдельной квартире, пусть и совместно с матерью. Когда Чистяков «однажды... не то чтобы упрекнул ее, а как-то слишком настойчиво намекнул на то, как трудно торить себе путь без всякой поддержки, Надя со свойственной ей прямоотой посоветовала своему любимому вытатуировать на заднице слова: “Я сын трудового народа”, и предъявлять их обществу в качестве последнего довода» [Поляков, 1989, с. 21]. В самом начале своего знакомства с ним она полусерьезно заявила, что в ее планы на будущую жизнь входит «заарканить какого-нибудь потомственного доцента... и обеспечить себе человеческую жизнь в этом идиотском обществе» [Поляков, 1989, с. 14–15]. «Автономность», «независимость» Печерниковой являются своего рода оборотной стороной наличия у нее необходимых социальных связей, опора на которые может заменить необходимость ритуального выражения своей идеологической лояльности.

Ю.М. Поляков в повести демонстрирует полный провал и этой стратегии. Печерникова отказывалась отредактировать текст своей диссертации в соответствии с замечаниями кафедры (которые, как намекает автор, носили именно идеологический характер), а потому была вынуждена уйти из аспирантуры. В итоге

она устроилась на работу в школу, где преподает историю (и, конечно же, вынуждена вести ее в полном соответствии со школьной программой), а чуть ранее того вышла замуж за полуопального поэта, явно не принадлежащего к числу влиятельных и богатых лиц. Когда у ее сына обнаружили рак, она обратилась за помощью к Валерию Чистякову, общения с которым долгие годы избегала.

Не меньший интерес представляет составленный из второстепенных персонажей «коллективный портрет» профессиональной среды, в которой разворачивается действие. В изображении Ю.М. Полякова преподаватели кафедры, на которой проходят аспирантуру Чистяков и Печерникова, значительно старше их. Большая часть преподавателей кафедры сформировались как ученые в условиях сталинского идеологического диктата («...в молодости они тоже мечтали стать честными летописцами эпохи, но хотелось бы знать, что понаписал бы тот же Нестор, когда бы у него за спиной дежурил сержант НКВД с наганом» [Поляков, 1989, с. 13]). Однако при этом в повести нет никаких упоминаний о том, что кто-либо из них ранее преследовался по политическим мотивам (лишь профессор Заславский «чуть было не загремел по делу космополитов и низкопоклонников» [Поляков, 1989, с. 13]). При этом если не все они, то значительная часть со скепсисом относятся к официальной картине отечественной истории. Так, например, заведующий кафедрой Заславский при каждом удобном случае вспоминает факт своего знакомства с видным деятелем монархического движения В.В. Шульгиным, чьим умом он восхищается. Он же, сильно напившись, как правило, «впадал в черную меланхолию и бормотал, что нет у нас никакой исторической науки – одна лишь лакейская мифология» [Поляков, 1989, с. 14]. Доцент Желябьев, решившийся обратиться к истории гражданской войны на материалах Украины, в частном разговоре выражает свои симпатии Н.И. Махно, утверждая, что этот исторический деятель, явно чуждый советской идеологии, мог бы стать «легендарным героем, вроде Чапая» [Поляков, 1989, с. 14], если бы не прервал своего сотрудничества с большевиками.

Однако все они совершенно убеждены в том, что эти взгляды не должны стать достоянием широкой публики. Характерно обоснование, которое Ю.М. Поляков вкладывает в уста своих персонажей: «народное сознание еще не сможет переварить всей правды», «время для этой аксиомы (*утверждение о П.А. Столыпине как гениальном политическом деятеле. – М.Б.*) еще не пришло» [Поляков, 1989, с. 13, 26]. Ученые нигде не апеллируют напрямую к возможным репрессивным мерам со стороны государства, оправдывая свое молчание незрелостью самого исторического сознания общества. Даже в конце 1980-х гг. Желябьев, получив задание выступить на организованной райкомом партии научно-практической конференции, просит Чистякова прочесть текст своего доклада, хотя глава райкома специально освободил выступающих от обязанности заранее визировать свои речи. Вряд ли стоит говорить о том, что эта лояльность позволяет сохранить неплохой уровень материального благосостояния (который продемонстрирован Ю.М. Поляковым на примере описания внутреннего убранства квартиры Желябьева).

Итак, каким образом выглядит образ советской исторической науки в повести Ю.М. Полякова «Апофегей», к каким выводам постепенно и методично подводит своих читателей автор? Историческая наука представляется в его изображении жертвой власти, но жертвой лукавой, стремящейся всячески использовать свой статус для извлечения выгод. В повести упоминаются мельком сталинские репрессии, но при этом сами персонажи в 1970-е гг. каким-либо серьезным репрессиям со стороны государства не подвергались. Чистяков сам, сознательно отказывается от попыток борьбы за первоначальную тему диссертации. Он вполне мог отказаться от партийной карьеры – скандал, поднятый его соперником, открывал для него такую возможность и не грозил какими-либо серьезными осложнениями, но главный герой предпочел идти далее по проторенной заранее для него дороге. Печерниковой не дают возможности написать диссертацию, тормозят ее защиту, но делают это именно коллеги по кафедре – о вмешательстве в процесс ее работы партийных органов в произведении ничего не говорится. Преподаватели сами ограничивают свои публичные высказывания рамками официальных советских идеологем. Ранее пострадавшая от силового давления власти среда профессиональных историков перестраивается и сама принимает на себя функции цензора, выполняя их не менее результативно, чем государственная машина. В свою очередь государственные структуры, отказавшись от своих прежних контрольных функций, поддерживают сложившуюся ситуацию, открывая тем, кто готов «играть по правилам», доступ к дефицитным благам. Так, защита идеологически правильной диссертации стала для Чистякова одной из ступеней его партийной карьеры. Умение Желябьева ладить с властью дает ему возможность проживать в роскошной, обставленной дореволюционной мебелью и предметами антиквариата квартире, занимать место в парткоме института, стать заведующим кафедры. В итоге историческая наука сращивается, становится единым целым с партийно-государственным аппаратом, его идеологическим придатком. Подчеркнем – эти выводы напрямую не звучат в повести, но сама структура повествования, сюжетные линии, отдельные замечания подводят читателей именно к такой интерпретации.

Насколько критика, озвученная в повести, радикальна для своего времени? 27–28 апреля 1988 года по инициативе Академии наук СССР, Академии общественных наук при ЦК КПСС и Союза писателей СССР была проведена конференция «Актуальные вопросы исторической науки и литературы», на которой литераторы имели возможность выступать за одной трибуной с учеными-обществоведами (главным образом историками). Писатели не замедлили воспользоваться возможностью для того, чтобы высказать все свои претензии к советской историографии. Особенно эмоционально было выступление В.П. Астафьева, избравшего своей мишенью изображение учеными Великой Отечественной войны. Историки, по его мнению, «сочинили» «другую войну». Писатель восклицал: «К тому, что написано о войне, за исключением нескольких книг, я как солдат никакого отношения не имею». Историкам «надо покаяться, очиститься», а пока этого не произошло, они «не имеют права прикасаться к такому святому слову, как правда» [Историки ... 1988, с. 33]. Весьма любопытным представляется и выступление популярного

автора исторических романов Д.М. Балашова. Искусство он полагал вполне равнозначным науке инструментом познания исторической реальности. В своем выступлении романист привел несколько собственных «прозрений», и каждое из них завершалось восклицаниями: «Историки, дайте нам статистику, дайте цифры», «теперь об этом должны написать историки» [Историки ... 1988, с. 51]. Фактически Д.М. Балашов переворачивал привычную схему сотрудничества историков и деятелей искусств – в его понимании не писатели иллюстрировали своими произведениями концепции ученых, а ученые подкрепляли фактами соображения литераторов. Половину выступления знаменитого драматурга М.Ф. Шатрова составили жалобы на неправомерную критику его пьес со стороны консервативно настроенного исторического сообщества, которую он ставил в один ряд с прозвучавшим незадолго до проведения конференции выступлением Н.А. Андреевой в газете «Советская правда» [Историки ... 1988, с. 36–39].

Были, впрочем, и те, кто порицал столь критичное отношение к советской науке. Однако почти все подобные выступления вполне логично сочетались с неприятием «очернительства», открыто выраженным нежеланием говорить о политических репрессиях, стремлением предотвратить саму возможность пересмотра в негативном ключе сталинского периода советской истории. В качестве подобного примера (пусть и с некоторыми оговорками) можно назвать речь писателя И.Ф. Стаднюка [Историки ... 1988, с. 54–57]. Фактически эти голоса принадлежали консерваторам, чьи взгляды уже тогда не пользовались популярностью, а ныне отторгаются большей частью исторического сообщества.

К критике советской науки присоединился и ряд историков. Так, Ю.Н. Афанасьев заявил: «Нет, пожалуй, и не было в мире народа и страны со столь фальсифицированной историей, как наша» [Историки ... 1988, с. 72]. А.А. Фурсенко упрекнул его в пренебрежении достижениями советской историографии, но и он отметил первенство писателей в освещении ряда «белых пятен» отечественной истории. Член-корреспондент АН СССР В.А. Шишкин начал свое выступление с фразы: «Сегодня и вчера было сказано много нелестных слов в адрес исторической науки, и многое из сказанного справедливо» [Историки ... 1988, с. 102].

Впрочем, в отличие от писателей они не ограничивались простой констатацией факта чрезмерной идеологизации исторической науки и моральным осуждением ее представителей (выраженного в их выступлениях в заметно меньшей степени), но и попытались назвать объективные причины сложившегося положения. Так, Ю.Н. Афанасьев обращал внимание своих слушателей на репрессивное давление со стороны государства, А.А. Фурсенко добавил к этому закрытость архивов и явную нехватку иностранной литературы. Кратко эту позицию можно охарактеризовать словами В.А. Шишкина: «Историческая наука – плоть от плоти своего общества. И какое оно – плохое или хорошее, – такова и наука» [Историки ... 1988, с. 103].

Ю.М. Полякова не было среди выступавших на конференции. Какое место среди прозвучавшего разногласия он мог бы занять? Конечно же, его повесть полна

критики, упреков в сервильности научного сообщества. Однако отметим – автор обвиняет своих персонажей скорее в умолчаниях, стремлении «обойти острые углы» и «неудобные» темы, чем в неприкрытой фальсификации фактов. Ю.М. Поляков допускал и возможность создания научных трудов, которые в полной мере не совпадали с положениями государственной идеологии. Однако он не стремился и оправдать своих героев, акцентируя внимание на добровольном сотрудничестве ученых и власти. Таким образом, можно говорить о Ю.М. Полякове как своего рода «умеренном критике» среди «лагеря литераторов».

В рамках одной сравнительно небольшой статьи представляется невозможным полноценно и обстоятельно ответить на вопрос о том, насколько адекватно повесть отражает историографическую ситуацию своего времени, тем более что эпоха «застоя» еще ожидает своего исследователя. Однако стоит отметить, что идея о превращении исторической науки в часть идеолого-пропагандистского аппарата государства, репрессивное давление со стороны которого оказало определяющее влияние на ее развитие, фактически доминировала в историографии вплоть до середины 1990-х гг. (см., напр.: [Очерки ... 2005, с. 293–298]). Наиболее яркое свое воплощение она нашла в статье Ю.Н. Афанасьева, определившего советскую историографию как «особый научно-политический феномен, гармонично вписанный в систему тоталитарного государства и обслуживающий его идеолого-политические потребности» [Афанасьев, 1996, с. 37]. Однако начиная со второй половины 1990-х гг. набирает популярность интерналистский подход, ориентированный на изучение внутренних, присущих самой научной среде, факторов историографического процесса. Первоначально подобные работы ставили своей задачей не столько кардинально пересмотреть картину развития исторической науки, сколько внести в нее некоторые коррективы, заполнить «белые пятна», образовавшиеся из-за чрезмерно узкого фокуса внимания их исследователей. Так, например, идея о существовании «академического марксизма» как одной из переходных ступенек от дореволюционной к советской исторической науке не отменяла идеологического давления государства как ведущего фактора формирования последней [см.: Дмитриев, 2002]. Однако со временем историографы всё более и более склоняются к мысли о том, что корпорация историков являлась активным субъектом историографического процесса (а не просто объектом внешнего воздействия), а степень ее автономности от государства была значительно больше, чем это казалось ранее. Так, например, В.В. Тихонов наглядно продемонстрировал, как научная среда могла затушить и, напротив, разжечь с новой силой инициированные «сверху» послевоенные идеологические кампании [Тихонов, 2016].

Парадоксально, но именно интерналистский подход более соответствует картине, обрисованной Ю.М. Поляковым в «Апофегее». Повторимся, в повести большая часть историков по своей инициативе берет на себя роль цензоров и ретрансляторов основных положений государственной идеологии. Именно этот факт, полагаем, и делает данное произведение по-прежнему актуальным в настоящее время, спустя почти тридцать лет после его создания.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // *Советская историография* / под ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996. С. 7–42.

Базанов М.А. Взглядом историка: главный герой романа А.Б. Мариенгофа «Циники» как представитель профессионального сообщества своего времени // *Челябинский гуманитарий*. 2014. № 4(29). С. 77–85.

Беленкин Б. «Танька! Танечка! Таня!..»: заметки на полях поэмы Наума Коржавина и биографии Анны Михайловны Панкратовой // *Право на имя. Биографистика XX века. Седьмые чтения памяти Вениамина Иофе*. 20–22 апреля 2009 г. СПб.: Мемориал, 2010. С. 14–32.

Большакова А.Ю. История и гротеск в прозе Юрия Полякова // *Знание. Понимание. Умение*. 2009. № 3. С. 141–146.

Большакова А.Ю. Переоткрытие времени в прозе Юрия Полякова // *Вопросы философии*. 2008. № 4. С. 36–41.

Большакова А.Ю. Феноменология литературного письма: о прозе Юрия Полякова. М.: Наука, 2005. 319 с.

Гумилев Л.Н. Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? // *Русская литература*. 1972. № 1. С. 73–82.

Дмитриев А.Н. Академический марксизм 1920–1930-х гг. и история академии: случай А.Н. Шebuнина // *Новое литературное обозрение*. 2002. № 54. С. 39–67.

Историки и писатели о литературе и истории. Материалы конференции // *Вопросы истории*. 1988. № 6. С. 3–113.

Капитоненкова Н.М. Столыпинская аграрная реформа в отечественной историографии: дискуссионные вопросы и критерии оценок // *Актуальные вопросы гуманитарных наук* / отв. за вып. С.Р. Бикметов. Кемерово, 2014. С. 145–158.

Кузнецов А.А. Художественная литература как историографический источник (на примере романа Н.И. Кочина «Нижегородский откос») // *Мир историка: историографический сборник*. Омск: Изд-во ОмГУ, 2013. Вып. 8. С. 237–256.

Кузнецов А.А. Художественная литература как источник по истории науки и высшей школы в Нижнем Новгороде 1920-х гг. (на примере романа Н.И. Кочина «Нижегородский откос») // *Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории*. М.: ИВИ РАН, 2014. Вып. 49. С. 368–397.

Миронец Н.И. Художественная литература как исторический источник: (к историографии вопроса) // *История СССР*. 1976. № 1. С. 127–128.

Назаров В.В. Идеология партии социалистов-революционеров в советской историографии // *Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия*. 2013. № 32. С. 121–127.

Нечкина М.В. Функция художественного образа в историческом процессе. М.: Наука, 1982. 321 с.

- Овчинников Р.В. Над «Пугачевскими» страницами Пушкина. М.: Наука, 1981. 160 с.
- Овчинников Р.В. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л.: Наука, 1969. 274 с.
- Очерки истории отечественной исторической науки XX века: монография / под ред. В.П. Корзун. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. 683 с.
- Поляков Ю.М. Апофегей // *Юность*. 1989. № 5. С. 11–36.
- Предтеченский А.В. Художественная литература как исторический источник // *Вестник Ленинградского университета*. 1964. № 14. С. 76–85.
- Рабинович М.Г. Археология, этнография и художественная литература // *Новый мир*. 1966. № 4. С. 267–277.
- Сидорова Л.А. Академик А.М. Панкратова «сквозь магический кристалл» поэмы Наума Коржавина // *Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории*. М.: ИВИ РАН, 2014. Вып. 49. С. 257–269.
- Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 гг.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.
- Тихонов В.В. Образ профессионального историка в современной беллетристике // URL: <http://www.mkonf.iriran.ru/papers.php?id=115> (дата обращения – 03 июля 2016 г.).
- Флоря А.В., Яцук Н.Д. Идиостиль Ю. Полякова // *Вестник Удмуртского государственного университета. Сер. История и филология*. 2014. Вып. 4. С. 163–168.
- Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М.: Мысль, 1968. 384 с.
- Шерлок Т. Исторические нарративы и политика в Советском Союзе и постсоветской России. М.: РОССПЭН, 2014. 325 с.
- Щавелев А.С. Профессия историк в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // *Грани гуманитарного знания. Сборник статей к 60-летию профессора Сергея Павловича Щавелева*. Курск: Изд-во КГМУ, 2013. С. 460–465.

REFERENCES

- Afanas'ev Ju. N. Fenomen sovestkoj istoriografii [The phenomenon of Soviet historiography], in: *Sovetskaja istoriografija* [Soviet historiography]. Moscow: RGGU, 1996. P. 7–42 (in Russian).
- Bazanov M.A. Vzgljadam istorika: glavnyj geroj romana A.B. Mariengofa «Ciniki» kak predstavitel' professional'nogo soobshhestva svoego vremeni [The view of the historian: the main character of A.B. Mariengof's novel "Cynics" as a representative of the professional community of his time], in: *Cheljabinskij gumanitarij*. 2014. № 4(29). P. 77–85 (in Russian).
- Belenkin B. «Tan'ka! Tanechka! Tanja!..»: zametki na poljah pojemy Nauma Korzhavina i biografii Anny Mihajlovny Pankratovoj [“Tanya! Tanechka! Tanya!..”: notes on the fields of

Naum Korzhavin's poem and the biography of Anna Mikhailovna Pankratova], in: *Pravo na imja. Biografistika XX veka. Sed'mye chtenija pamjati Veniamina Iofe. 20–22 aprlja 2009 g.* [The right to a name. Biography of the XX century. Seventh reading of the memory of Benjamin Ioffe. April 20–22, 2009]. St. Petersburg: Memorial, 2010. P. 14–32 (in Russian).

Bol'shakova A.Ju. Istorija i grotesk v proze Jurija Poljakova [The history and grotesque in the prose of Yuri Polyakov], in: *Znanie. Ponimanie. Umenie.* 2009. № 3. P. 141–146 (in Russian).

Bol'shakova A.Ju. Pereotkrytie vremeni v proze Jurija Poljakova [The rediscovery of time in the prose of Yuri Polyakov], in: *Voprosy filosofii.* 2008. № 4. P. 36–41 (in Russian).

Bol'shakova A.Ju. *Fenomenologija literaturnogo pis'ma: o proze Jurija Poljakova* [Phenomenology of the literary letter: about the prose of Yuri Polyakov]. Moscow, 2005 (in Russian).

Gumilev L.N. Mozhet li proizvedenie izjashhnoj slovesnosti byt' istoricheskim istochnikom? [Can a work of exquisite literature be a historical source?], in: *Russkaja literatura.* 1972. № 1. P. 73–82 (in Russian).

Dmitriev A.N. Akademicheskij marksizm 1920–1930-h gg. i istorija akademii: sluchaj A.N. Shebunina [«Academic Marxism» in 1920–1930's and the History of Academy: Case of Andrey Shebunin], in: *Novoe literaturnoe obozrenije.* 2002. № 54. P. 39–67 (in Russian).

Istoriki i pisateli o literature i istorii. Materialy konferencii [Historians and writers on literature and history. Conference materials], in: *Voprosy istorii.* 1988. № 6. P. 3–113 (in Russian).

Kapitonenkova N.M. Stolypinskaja agrarnaja reforma v otechestvennoj istoriografii: diskussionnye voprosy i kriterii ocenok [Stolypin Agrarian Reform in Russian Historiography: Discussion Issues and Evaluation Criteria], in: *Aktual'nye voprosy gumanitarnyh nauk* [Actual questions of the humanities]. Kemerovo, 2014. P. 145–158 (in Russian).

Kuznecov A.A. Hudozhestvennaja literatura kak istoriograficheskij istochnik (na primere romana N.I. Kochina «Nizhegorodskij otkos») [Fiction as a historiographical source (on the example of Nikolai I. Kochin's novel "The Nizhny Novgorod Otkos")], in: *Mir istorika: istoriograficheskij sbornik* [The historian's world: a historiographical collection]. Omsk: Izd-vo OmGU, 2013. Vol. 8. P. 237–256 (in Russian).

Kuznecov A.A. Hudozhestvennaja literatura kak istochnik po istorii nauki i vysšej shkoly v Nizhnem Novgorode 1920-h gg. (na primere romana N.I. Kochina «Nizhegorodskij otkos») [Fiction as a source on the history of science and higher school in Nizhny Novgorod in the 1920s. (On the example of Nikolai I. Kochin's novel "The Nizhny Novgorod Otkos")], in: *Dialog so vremenem: al'manah intellektual'noj istorii* [Dialogue with time: the almanac of intellectual history]. Moscow: IVI RAN, 2014. Vol. 49. P. 368–397 (in Russian).

Mironov N.I. Hudozhestvennaja literatura kak istoricheskij istochnik: (k istoriografii voprosa) [Fiction as a historical source: (to the historiography of the question)], in: *Istorija SSSR.* 1976. № 1. P. 127–128 (in Russian).

- Nazarov V.V. Ideologija partii socialistov-revoljucionerov v sovetskoj istoriografii [The ideology of the Socialist-Revolutionary Party in Soviet historiography], in: *Aktual'nye voprosy obshhestvennyh nauk: sociologija, politologija, filosofija*. 2013. № 32. P. 121–127 (in Russian).
- Nechkina M.V. *Funkcija hudozhestvennogo obraza v istoricheskom processe* [The function of the artistic image in the historical process]. Moscow: Nauka, 1982. 321 p. (in Russian).
- Ovchinnikov R.V. *Nad «Pugachevskimi» stranicami Pushkina* [Over “Pugachevsky” pages of Pushkin]. Moscow: Nauka, 1981. 160 p. (in Russian).
- Ovchinnikov R.V. *Pushkin v rabote nad arhivnymi dokumentami («Istorija Pugacheva»)* [Pushkin in work on archival documents (“The History of Pugachev”)]. Leningrad: Nauka, 1969. 274 p. (in Russian).
- Očerki istorii otechestvennoj istoricheskoj nauki XX veka: monografija* [Essays on the history of Russian historical science of the XX century: monograph]. Omsk, 2005. 683 p. (in Russian).
- Poljakov Ju.M. Apofegej [Apogee of I-couldn't-care-less], in: *Junost'*. 1989. № 5. P. 11–36 (in Russian).
- Predtechenskij A.V. Hudozhestvennaja literatura kak istoricheskij istochnik [Fiction as a historical source], in: *Vestnik Leningradskogo universiteta*. 1964. № 14. P. 76–85 (in Russian).
- Rabinovich M.G. Arheologija, jetnografija i hudozhestvennaja literatura [Archeology, ethnography and fiction], in: *Novyj mir*. 1966. № 4. P. 267–277 (in Russian).
- Sidorova L.A. Akademik A.M. Pankratova «skvoz' magicheskij kristall» pojemy Nauma Korzhavina [Academician A.M. Pankratov “through the magic crystal” poem Naum Korzhavin], in: *Dialog so vremenem: al'manah intellektual'noj istorii* [Dialogue with time: the almanac of intellectual history]. Moscow: IVI RAN, 2014. Vol. 49. P. 257–269 (in Russian).
- Tihonov V.V. *Ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sovetskaja istoricheskaja nauka (seredina 1940-h – 1953 gg.)* [Ideological campaigns of “late Stalinism” and Soviet historical science (mid-1940's – 1953)]. Moscow; St. Petersburg, 2016. 424 p. (in Russian).
- Tihonov V.V. *Obraz professional'nogo istorika v sovremennoj belletristike* [The image of a professional historian in modern fiction]. Available at: URL: <http://www.mkonf.iriran.ru/papers.php?id=115> (accessed 03.07.2016) (in Russian).
- Florja A.V., Jacuk N.D. Idiostil' Ju. Poljakova [The idiostyle of Yu. Polyakov], in: *Vestnik Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istorija i filologija*. 2014. Vol. 4. P. 163–168 (in Russian).
- Cherepnin L.V. *Istoricheskie vzglyady klassikov russkoj literatury* [Historical views of the classics of Russian literature]. Moscow, 1968. 384 p. (in Russian).
- Sherlok T. *Istoricheskie narrativy i politika v Sovetskom Sojuze i postsovestkoj Rossii* [Historical narratives and politics in the Soviet Union and post-Soviet Russia]. Moscow: ROSSPJeN, 2014. 325 p. (in Russian).

Shhavelev A.S. Professija istorik v romane M.A. Bulgakova «Master i Margarita» [Profession historian in the novel MA. Bulgakova “Master and Margarita”], in: *Grani gumanitarnogo znanija. Sbornik statej k 60-letiju professora Sergeja Pavlovicha Shhaveleva* [The boundaries of humanitarian knowledge. A collection of articles dedicated to the 60th birthday of Professor Sergei Pavlovitch Shchhavelev]. Kursk: Izd-vo KGMU, 2013. P. 460–465 (in Russian).